

АРХЕТИП ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ ОЛЕГА ПАВЛОВА *КАЗЕННАЯ СКАЗКА*

THE ARCHETYPE OF THE HERO IN THE STORY
THE STATE FAIRY TALE BY OLEG PAVLOV

СНЕЖАНА КРЫЛОВА

ABSTRACT. In the article, basic features of the main hero of the story *The state fairy tale* captain Khabarov are being analysed. It's also proved that the story became a support for overcoming the spiritual chaos for the writer during the epoch of disintegration of the 1990s.

Снежана Крылова, Московский государственный областной университет, Москва – Россия.

Казенная сказка открывает трилогию Олега Павлова *Повести последних дней* (*Казенная сказка, Дело Матюшина, Карагандинские девятины*). Трилогией делает эти вещи хронотоп. Как написано в аннотации, „действие ее разворачивается на задворках некогда могучей Империи в трагическое и абсурдное время ее распада”¹. Задворки – это карагандинские лагеря для уголовников и внутренние войска, их охраняющие. Империя – СССР предперестроечной эпохи. Однако „последние дни” общего заглавия относятся не только к закату советской империи. „Последние дни” – это и христианское понятие. Так называют время накануне второго пришествия Христа.

„Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие”, – наставляет апостол Павел своего ученика. И объясняет причину: „Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны...” (2-е Тим: 3, 1).

И далее идет длинный список человеческих пороков, делающих существование невыносимым в любые времена. Думается, этот обертон названия был учтен автором, который рисует тяготы жизни людей „труждающихся и обремененных”, но почти не вспоминающих о Боге.

Будни ГУЛага, описанные как со стороны заключенных (Достоевский, Солженицын, Шаламов), так и со стороны надзирателей (Довлатов), казалось бы, тема исчерпанная. Поэтому Павлов вынужден искать свою нишу, где Солженицын и Довлатов в равной степени являются точками притяжения и отталкивания. Как и Довлатов, Павлов делает главным героем повести лагерного надзирателя (вернее командира караульной роты), но убирает из своего

¹ О. П а в л о в, *Повести последних дней: трилогия*, Москва 2001.

дискурса элементы юмора. У Павлова почти все по-солженицынски серьезно и трагично. Солженицынским оказывается и выбор героя. Если закрыть глаза на детали, то Павловский капитан Хабаров из *Казенной сказки* – это по сути терпеливый труженик Иван Денисович в роли лагерного надзирателя поздне-застойной эпохи.

Совсем иначе звучит у Павлова и тема абсурда. Если у Солженицына это абсурд тоталитарного равнодушия к человеческой жизни, абсурд страха и лжи, если у Довлатова это свойство неодолимого плоского мира зоны (как в лагере, так и в душе человека), то у Павлова это абсурд казенного сознания.

Тоталитаризм в *Казенной сказке* вроде бы на глазах уходит в прошлое, но простой человек по-прежнему пребывает в страдательном залоге даже тогда, когда пытается выступить в действительном.

Сюжет повести прост. Скромный армейский служака капитан Хабаров, желая прокормить своих вечно голодных солдатиков-срочников из караульной роты, решает взять часть картошки из их пайка, чтобы без приказа сверху вырастить урожай. Путем героических усилий капитана урожай получен, но из-за полковых интриг изъят и тайно уничтожен в степи особистом Скрипицыным. Едва не умерев от отчаяния, Хабаров погиб чуть позже, спасая служивых от неминуемого ареста за бунт по поводу задержанной полочки.

При чем же здесь сказка? Ни счастливого финала, ни чудес, ни лжи, в которой намек. Все до боли узнаваемо и страшно. Но Павлов настаивает: *Казенная сказка*. Этот оксюморонный гибрид имеет свое эстетическое поле воздействия как минимум на два фактора: эпичность и архетип героя. По Павлову, архетип – это „не тип, из жизни взятый, в жизни подсмотренный да обобщенный”, а нечто „обобщенное природой, историей”². Попытаемся это показать.

Повесть состоит из 10 глав. Ей предпослано скорбное посвящение:

Посвящается русским капитанам, этим крепчайшим служакам, на чьих горбах да гробах покоилось во все века наше царство-государство. Вечная всем память³.

Посвящение сразу же настраивает не только на эпический лад и предельное обобщение, но и на солидный список капитанов русской классики: Миرون, Копейкин, Максим Максимыч, Тушин. Все это люди простые, вышедшие из народной среды.

Таков и Павловский Хабаров. В нем все как у всех: внешность („коренастый, приземистый, похожий на мешок с картошкой” [с. 6]), характер, образ жизни. Безрадостному бытию простого русского человека и посвящена в основном *Казенная сказка*. Неслучайно первая глава (медленная, чрезвычайно насыщенная экспозиция) носит типично сказочное название *Жили-были*. В ней показана крайняя скудость и вынужденный аскетизм жизни армей-

² О. Павлов, *Русский человек в XX веке*, Москва 2003, с.181.

³ О. Павлов, *Казенная сказка*, [в:] его же, *Повести последних дней...*, указ. соч., с. 5. Далее все сноски по этому изданию даются в скобках.

ского труженика из поселка Карабас, чуть ли не генетически прикованного к вязкой, тяжелой гуще народной нужды:

Хабаров родился у простых людей, которыми и назван был как проще. Не имел семи пядей во лбу, не имел готового наследства и уже поэтому увяз в той гуще, из которой появился на свет (с. 7).

Мы почти ничего не знаем о прошлом героя. Казарменная жизнь, скудный паек, общие с эками вши, подневольность и отсутствие перспектив – все это воспринимается Хабаровым как данность. Даже его скромная военная карьера вытекает не из амбиций, а из общего хода вещей:

Хабаров служил добротнo, и своим чередом вышло, что произвели в старшины (с. 6).

Для автора это показатель надежности:

И да будет известно, что в старшины попадаетс я совестливый человек, труженик, который все выдюжит, сколько бы ни взваливали, и притом не уберегая своего живота, не пьянствуя, не воруя из общего котла или распяленного казенного кармана (с. 6).

Герой дожил до предпенсионного возраста, не приобретя ни денег, ни семьи, ни своего угла – только „застарелую тоску”.

Критики справедливо отмечают тяготение Павлова к платоновской эстетике⁴. Писателю-интеллекту, так же, как и Платонову, интересен герой из народа. Но если у Платонова это герой, разбуженный революцией и во многом сбитый ею с толку, смущенный, потерявшийся или ложно обольстившийся, то у Павлова персонаж из той же среды дан уже в конце исторического цикла, вне идеологии и веры в великие свершения. Неслучайно на фоне споров, ожиданий и „мордобоя” по поводу новостей из газет (за ними смутно угадывается начало перестройки) подчеркнuto безнадежно звучит первая фраза, знакомящая с героем:

Ничего не ждал от жизни капитан Хабаров (с. 5).

Как и Платонов, Павлов точно фиксирует вязкость и неподатливость к лучшему русского „вещества существования”. Как и Платонов, не склонен обвинять в этом Советскую власть. Оба писателя не решают вопроса „кто виноват?”, не советуют, „что делать”. Они с глубоким сочувствием наблюдают, как решают эти вопросы их герои, и остро ощущают **бремя жизни**. У Павлова Хабаров потому и стал главным героем, что несет его как крест:

Что бы ни случилось, Хабаров думал: „Поворачивать некуда, надо терпеть” (с. 7).

⁴ Н. Е л и с е е в, *Пятьдесят четыре*, „Новый мир” 1999, № 1; А. А г е е в, *Самородок, или один день Олега Олеговича*, „Знамя” 1999, № 5; К. К о к ш е н е в а, *Больно жить. О прозе Олега Павлова*, [в:] *Революция низких смыслов*, Москва 2001; е е же, *Писатель большой темы (об Олеге Павлове)*, „Балтика” (Международный журнал русских литераторов) 2005, № 2.

Ни о каких боевых задачах или учениях речь в позднесоветской армии не идет. Огромный неповоротливый военный организм требует сугубо хозяйственных забот. И на этом фронте тянется бесконечная грызня конкурентов за место, чин, звание. Все персонажи повести образуют пары „начальник-подчиненный”, которые на высших ступенях становятся парами соперников. Нет соперников только у Хабарова – слишком тяжела его командирская доля. Мутный поток полковой жизни то и дело сотрясается скрытыми и явными трагедиями. Примечательно, что проза Павлова при их упоминании вовсе не имеет обличительного пафоса. Язвы и пороки советской армии связаны для него не с коммунистической системой, а с вековым казенным устройством „нашего царства-государства”. Абсурд казенной жизни рассматривается убежденным реалистом Павловым чуть ли не как особенность русской ментальности и неистребимого мирового зла⁵. Поэтому и ветерки перемен (проверка полка генералом новой закваски Добычиным) описаны им весьма сдержанно. Страху навел, но ни одного полкового безобразия не исправил. И даже про историю бедного Хабарова до конца ничего не выяснил.

Каков же тогда смысл описываемых Павловым страданий? Ради чего погиб добрый капитан Хабаров? Писатель вроде бы дорисовывает богооставленный мир Платонова – мир, в котором не Бог оставил людей, а человек Бога, и, в отличие от задумавшегося над революцией Платонова, напрямую связывает тотальное неблагополучие позднесоветского общества с духовным вакуумом. Но начинающего писателя интересовали больше следствия, чем причины. Он не спешил делать читателям подсказки⁶. Главная проблема повести – *проблема смысла жизни честного человека в абсолютно бессмысленных обстоятельствах.*

Тупиковая безнадежность бытия обрисована уже в экспозиции. Карабас – место ссылки не только преступников, но и опальных военных – отличался особой бесприютностью: „будто плюнули со злости и отсель, где наплевали, принялись жить” (с. 8). Хозяйство зоны замкнуто на производстве изделий для эков: на маленькой „фабричке” „сколачивали одинаковой формы сапоги – весом в пуд – для таких же лагерей” (с. 9). Круг замкнулся: зона работает на зону, и люди, ее охраняющие, становятся заложниками системы.

Но ведь и в этом гиблом месте должен кто-то служить. Среди неугодных начальству вояк, как пламенный замполит Величко, или спрятавшихся от „легалых” в самую их гущу богатырей, как Перегуд, лишь Хабаров, пожалуй, занимает свое место по добровольно принятой судьбе. Потому что,

⁵ „Россия – страна начальников и подчиненных... И при царях и при вождах – все пропитано именно этим казенным духом” (О. П а л о в, *Русский человек...*, указ. соч., с. 56).

⁶ Как это сделано, например, в повести *В безбожных переулках*, где морока распавшейся семьи и беспризорных детских компаний воспринимается сквозь мрачную ауру названия.

попавши в караульную роту, ...скоро понял, что никакой службы здесь нет. А есть одно лихо на всех, одна ляжка, чтобы волочь и лагерную баржу, и тех, кто на ней катается, нагуливая блевоту (с. 9–10).

Каждодневный безропотный труд в караульной роте не воспринимается Хабаровым как подвиг. Слишком много в нем грязи, грубости и рутины. Но автор отдает должное его мужеству. Хотя бы тому, что капитан никогда не жаловался на судьбу („Жаловаться – значит искать виноватых, увиливать, а этого он не умел” [с. 9]); тому, что не хотел паразитировать ни за чей счет:

Хабаров тянул лагерную ляжку, не делая облегченья ни себе, ни энкам или солдатушкам (с. 10).

В этом „солдатушкам” слышно не только авторское сочувствие. В подчеркнуто нелиричном мире *Казенной сказки* „чувства добрые” прикрыты чаще всего грубостью или строгостью. Так и хабаровское радение о своей роте кажется ему самому только выполнением казенных обязанностей, хотя, как мы поймем позже, это далеко не так. Жизнь приобрела для него смысл лишь тогда, когда он превысил свои полномочия.

Если рассматривать повесть под углом традиционной темы маленького человека, то и тут Хабаров не до конца впишется в трафарет⁷. Шинель для Башмачкина была фактом самоутверждения, хабаровская картошка изначально предназначена не для себя, а для других. В этой пользе для других и увидел он смысл своей жизни. Неслучайно в нем, закоренелом безбожнике, именно накануне сбора урожая возникает религиозное чувство. „Молитва” капитана в канцелярии, среди мышинной возни и казенного убожества, изображена просто и целомудренно:

Капитан в Бога никогда не верил, но встал вдруг на колени посреди канцелярии. Позвал его громко. И не молился, не бил поклонов, чего отродясь не умел, а выпрямившись – как честный служака на смотру, – доложил для начала про то, что во всей великой стране имеется лишь гнилая картошка. И попросил, помолчав и переведя дыхание: „Если вы на самом деле есть, тогда помогите, если так возможно, собрать моей роте побольше картошки” (с. 30–31).

Молитва Хабарова больше похожа на разговор с генералом, но слова, которые он произносит в конце, стали для него священным обетом:

Я за это в вас верить стану и отплачу жизнью, если потребуется (с. 31).

Чудо произошло. Картошка удалась на славу. А поощрительный звонок безвестного генерала показался заслуженным признанием.

⁷ Тот, который обозначила, например, О. Славникова: „Картошка для Хабарова то же, что шинель для Башмачкина” (О. С л а в н и к о в а, *Повесть о капитане Хабарове*, „Урал” 1996, № 2).

Но оценили ли это те, ради кого старался капитан, кто ел дымящуюся картошку „мглистыми гудящими ртами” (с. 31)? Парадокс „последних дней” – нет! За время выращивания урожая они написали в особый отдел не одну жалобу и считают, что, если капитану дадут добро, он „теперь всем отомстит, скурвится” (с. 34). Однако хабаровской радости это помешать не могло. Грубо растаптывает эту радость особист Скрипицын, бездарный и подлый винтик казенной махины. Сказочная победа добра молодца в одночасье превращается в поражение. С третьей главы начинается крестный путь славного капитана: допросы, арест, освобождение, поездка в штаб... Все эти этапы сопряжены с болью, унижением, гневом и полным бессилием.

Обреченность правдоискателя Хабарова была понятна еще из посвящения („на горбах да гробах”), с развитием же действия она только усиливается. Так, безвестная старуха из вагона приняла уснувшего по пути в Караганду капитана за мертвого:

Батюшки, а что у тебя за лицо было! Дай-ка, перекрещу от греха. [...] не болей, не мучайся (с. 93).

Благословение старухи – какой-то знак, но он так и не понят героем:

С тем крестным знаменем, отчего-то им огорченный, Хабаров и вступил в Караганду (с. 93).

В любой сказке противниками героя становятся злые силы. Антиподом Хабарова, идолищем поганым является вечно интригующий Скрипицын⁸. Человек жестокий, неразвитый, не умеющий любить никого, даже по-собачьи преданного ординарца, он на всех копит компромат. Скрипицын – воплощение казенного сознания. Недаром его фетишем и непременным атрибутом является зловещий портфель с доносами и протоколами. Мы не сразу понимаем, зачем он приехал в Карабас: то угрожает Хабарову за самоуправство, то уговаривает его написать жалобу на бедственное снабжение роты. Реакция Хабарова мгновенна: „Заявлю, напишу, а засудят невиновного человека” (с. 44–45). И лишь в конце 8-й главы, после смерти комполка Победова, выяснится, что Скрипицыну нужна была всего-навсего жилплощадь в одну комнату, которую занимал одинокий полковник.

Катастрофой для Хабарова становится „вся правда” (название 7-й главы), где он узнает истинную судьбу своего урожая. Капитан не хочет больше жить. Его угасание в холодной мышинной канцелярии, где он, отказавшись от пайка и питья, ждет смерти в смраде собственных испражнений – одна из самых страшных картин повести.

Русский читатель привык, что каждая жертва приносит какой-либо плод. Уничтоженная картошка и умирающий капитан вроде бы должны были поро-

⁸ Трудно согласиться с мнением О. Славниковой, указ. соч.

дить покаянное движение в солдатской массе, предавшей Хабарова. Но голодных солдат только и хватило на то, чтобы пытаться кормить командира силком.

Спасителем от смерти становится для капитана Скрипицын, который приехал в Карабас, опасаясь разоблачения. И здесь сказочный трафарет вновь деформируется. Идолище поганое не может быть приручено, изменено, исправлено, оно может быть только побеждено. Но никакой победы нет. Нельзя победить особый отдел ни подвигом, ни приказом, ни бунтом. Как на место сгоревшего изверга Смершевича пришел безжалостный корыстолюбец Скрипицын, так и вместо него найдется еще один „человек-портфель” (О. Славникова). Да и сам Иванушка из *Казенной сказки* не собирается ни с кем бороться. Он не борец, а работник. Он один пытался хоть что-то созидать посреди казенного распада. Эта энергия добра коснулась и на мгновение поколебала даже такое чудовище, как Скрипицын.

Беседа Скрипицына с очнувшимся Хабаровым – потрясающий в своей парадоксальности фрагмент. Ждущий упреков и нападения Скрипицын начинает жаловаться и оправдываться:

Ты гордый человек, а я нет, ты гордый, а я [...]. Вот она, твоя гордость, что хорошо мне, то тебе сразу плохо, ну как мне с тобой быть? (с. 142).

Заметим, что беспринципный негодяй все упреки перевел сразу же в духовно-нравственное измерение. Свою тяжбу с Хабаровым он воспринял глубже, чем можно было ожидать: не как частный случай свободного поступка, а как посягательство на его казенные права.

Какого ответа ждал Скрипицын от Хабарова? Наступления, вызова, угрозы? Но происходит нечто ошеломляющее:

Хабаров ради него совершил над собой еще одно усилие, хоть и звучал его голос просто, буднично: „Прости за все, если сможешь”. Скрипицын остолбенел... (с. 142).

Мы не знаем, что понял по ту сторону жизни Хабаров, что почувствовал. Автор не захотел исследовать его предсмертное просветление. Его сказка вообще как-то исключает изображение сознания героев изнутри. Ясно одно: капитан вернулся к жизни другим. Вернулся, чтобы умереть. Потому-то и не услышал он щедрых обещаний ошеломленного Скрипицына: „жди весны, только дождись – и все будет!” (с. 143).

К чему же привел своего героя-работника автор? Не к торжеству накормившего голодных победителя, не к зловонной кончине отчаявшегося человека, а к последнему кругу земных странствий.

Начинается этот путь с попытки ухода из роты „с котомкой за плечами”:

Пускай у вас будет другой командир, а мне бы хоть помереть с чистой совестью, похожу кругом, поищу, где от меня несчастий людям нету (с. 143).

Но „кругом” оказывается буквально „кругом”, петлей, которую делает герой возле лагеря. За ним тут же послали гонцов с жалобами на голодную жизнь,

и капитану вновь „стало жалко” людей, „и взвалил Хабаров на плечи былое свое тягло”, решив,

что останется зимовать в Карабасе, а весной с чистой совестью уйдет искать на земле место, где и помрет, если захочется (с.143).

Понятно, что вырваться из болота ротных дел капитану бы не удалось ни весной, ни летом. Но судьба его сложилась иначе. Предпоследняя, 9-я глава названа *Зимний подвиг*. Название очень высокое. Так оценена гибель Хабарова – христианская по сути: „Жизнь свою за други своя”. И не важно, что „другами” оказываются здесь неблагодарные, агрессивные, одуревшие от голода и холода подчиненные. Для Хабарова они „ребятки” (с. 150). Чтобы усмирить отказавшуюся служить роту, капитан дает свое последнее обещание:

Я пойду и принесу получку..., если рота будет служить, не взбунтуется (с. 151).

Одинокое угасание капитана в снежной степи изображено по-платоновски подробно и с той же болью сострадания. Жалеющий „солдатушек” Хабаров даже в смертный час не научился жалеть себя:

застыть, погибнуть на месте капитан себе не давал, а толкал себя, как ему чудилось, вперед, потому что люди ему верили (с. 153).

Труд простой души сконцентрировался в ее последние земные минуты вроде бы в бессмысленном истрачивании тела. Но метафизическая суть этого умирания передана автором через фантастические ощущения героя:

Он тащил тягло отмороженных ног, тащил отмороженное свое брюхо, будто это река тащит свои ледовитые воды, и ему уже чудилось, что волочет он всю землю, всю тяжесть земную... (с. 153).

Таким образом, гибель Хабарова исполнена самого высокого смысла, ибо она по глубинной своей сути является жертвой, осветившей нездешним светом всю его безрадостную жизнь. Эта неземная нота небесной правды и покоя задана в авторской оркестровке главы – в ее вступлении и финале. Они зеркально отражаются друг в друге, образуя еще один круг повествования. Вступление выдержано в духе деревенской прозы. И это звучит неожиданно в казарменной какофонии сказки:

Хабаров любил тихую морозную зиму, когда хорошо – и кругом, и на душе. В такую зиму на русских равнинах окуриваются печным дымом избышки, точно ладаном. Деревни на огромных просторах стоят заиндевевшие и погруженные в высокую тишину неба. Даже собаки не брешут по дворам, и дремлет крещеный мир в пышных снегах. Хоть свечку ставь перед той картиной, чудеснейшей, чем образа... (с. 144).

Это не просто пейзаж, это особое молитвенное ощущение Божьего мира, который для любящего взгляда превращается в икону. Картина описана автором, сам Хабаров вряд ли смог передать так свои чувства. Важно, что они

у героя были: эту высокую чистую ноту души автор обозначил накануне его гибели:

тихую морозную зиму горемычный наш капитан помнил с детства, быть может, больше хорошего он и не видел (с. 144).

Антимир Карабаса редко дарил Хабарову такие минуты, зимы там „бывали злые, вьюжные“, а последние года два и вовсе „попутались“. „Словом, не стало порядка и на небесах“, – резюмирует автор.

Хаос бурана, пожравший Хабарова и едва не похоронивший весь лагерь, подтверждает этот тезис. Но вот жизнь капитана оборвалась. Как выяснится позже, прямо у стен казармы. То есть герой совершил свой последний круг и вернулся в место скорби, чтобы отдать Богу душу. Весь заключительный пейзаж главы метафорически свидетельствует о том, что Бог принял эту жертву. Не случайно покой и свет приходят в Карабас по-евангельски, ровно через три дня:

Буран свирепствовал в степи трое непроглядных суток, а просветление наступило в одночасье. Степь покрылась ровной покойной гладью, и отраженный от этой глади свет, еще чахлый, но удивительно прозрачный, залил чуть живые просторы (с. 154).

Свершилось и то, ради чего погиб капитан:

А постов, на которые заступили, поверив капитану, люди никак не бросали, рота устояла (с. 154).

Более того, спасенным капитаном солдатам, даже не заметившим его исчезновения, все же дано было вкусить радости воскресения:

все радовались, хоть небу, и нечем было той радости удержать, потому что ждаты она в людях устала (с. 154).

На этом повесть могла и закончиться. Но Павлов дописывает последнюю, 10-ю главу – *Во славу и за упокой*, где посмертные казенные почести превращаются в прямую противоположность. Единственным человеком, кто сразу понял и оценил жертву капитана, вновь оказывается вездесущий особист. Производя следствие по делу исчезновения Хабарова,

Скрипицын „начал постигать, что это же сам капитан Хабаров покрывает своих людишек и что он и задумал нарочно погибнуть, а их от суда, даже за свою эту гибель, спасти“ (с. 158).

Побеждено ли зло? Нет. Потеснено? Тоже нет. Но слабые, грешные и беззащитные спасены ценой одного человека. Для Скрипицына они все равно остаются „людишками“. А Хабаров? Его детдомовец Скрипицын в последний их разговор назвал „отцом“, он же маниакально организовывал поиски трупа капитана, он устроил и воинские почести на его могиле со скорбной речью, оружейными залпами, оркестром и парадом солдат. Похоронил Скрипицын

Хабарова как родного. Но путь тела капитана к могиле стал еще одним, посмертным испытанием. Застывший калачом, скрюченный труп солдаты прикатали в комендатуру в бочке из-под капусты, а чтобы организовать почтенные похороны, пришлось тело капитана сломать:

С переломанным хребтом, с выкрученными руками и ногами, в гробу, с набитым опилками животом усмиренный капитан прибыл в полк, но капустной закваски вытравить не смогли... (с. 162).

Уродство казенной жизни, сломавшей хребет уже мертвому капитану, возторжествовало в финале. И грянувший врасплох Приказ по войскам сажать картошку и кормить себя самим кажется рядом с одинокой могилой капитана еще одной казенной насмешкой.

Эпилогом повести является *Письмецо Ивана Яковлевича Хабарова*, найденное при мертвом капитане и опубликованное в газете „в разгар всех разоблачений“. Письмо без адресата. Терпеливый капитан единственный раз в жизни позволил себе пожаловаться на свою несчастливую жизнь. Над спецификой таких писем будет размышлять Павлов десятилетие спустя:

В них, в русских письмах, сегодня мало есть возвышенного, но они все обращены по духу своему именно к Богу, а не к тем, кому отправлены были по почте [...]. Они, наверно, и написаны были и отосланы, когда в людях совершенно истратилась хоть какая-то вера. Но жить без надежды невозможно. Без нее – только умирать⁹.

Впрочем, важно еще и *как* умирать. Капитан умер героически, хоть героизм этот заметен одному Скрипицыну и автору.

Так в чем же смысл жизни Хабарова? Неужели только в героической смерти? – Все-таки и в честной службе в мрачном Карабасе, где он разделил общую беду с ближними, где от терпения перешел к созиданию, за что и поплатился муками, болью и надсаженной душой.

Павлов неоднократно высказывал мысль, что эпоха распада, которой завершилось 70-летнее царство советской власти, породила новое поколение писателей народной темы¹⁰. К нему он относил и себя. Увы, поколение это почти не было услышано. Между тем оно как могло сопротивлялось энтропии 1990-х. Размышляя над феноменом русского героя, к которому относил толстовского Каратаева и солженицынского Шухова, Павлов высказал концептуальную идею. Русский писатель в кризисную эпоху неизбежно становится „проводником национальной метафизической энергии катастрофы“¹¹ и ищет опору для выхода из тупика в человеческой массе:

⁹ О. Павлов, *Русский человек...*, указ. соч., с. 16.

¹⁰ О. Павлов, *Я пишу инстинктом*. Интервью Т. Бек, „Вопросы литературы“ 2003, № 5.

¹¹ О. Павлов, *Русский человек...*, указ. соч., с. 179.

Писатель, как проводник, воплощается в одном из атомов человеческого вещества – в том, где он чувствует, что энергия распада претворяется этим атомом, этой человеческой личностью в энергию жизни. Почему же тогда умер Хабаров, этот атом восстановления жизни?¹²

Потому что в „последние дни”, чтобы сохранить эту „энергию жизни”, нужна чья-то жертвенная смерть.

Хабаров исполнил данный Богу обет. Жертва принята. Неслучайно после бурана

в поселке наладилась тихая светлая жизнь, которой люди в нем никогда не жили, что и было удивительно, ведь будто для такой и родились (с. 155).

После бескровной жертвы капитана жизнь будто сама себя восстановила и перемолола. А когда явилась казенная власть – Скрипицын со своими допросами, большинство „служивых” было уже вне досягаемости – „кто в госпиталиях, кого сменили новыми людьми” (с. 158).

Таким образом, горемыка Хабаров – „неизбежный герой” русской литературы¹³. По верному замечанию К. Кокшеневой, „мы такими вот героями всегда и меряем свою национальную жизнь”¹⁴. Он появился тогда, когда на арену вышло „Generation P”, в эпоху симулякров и тотальной вседозволенности. Хабарова почти не заметили – так же, как не заметили его жертвы те, кого он спас в повести. Кто-то не поверил в его подлинность (А. Агеев¹⁵), кто-то усомнился в актуальности самой народнической традиции (Н. Елисеев¹⁶).

И все же он оставил после себя след, в значимости которого еще предстоит разобраться. „Пускай душа его упокоится с миром” – таковы последние слова о добром молодце *Казенной сказки*, воспетом и отпетом начинающим писателем без сентиментального восторга, но с твердой верой в его „энергию жизни”, противостоящую тяжкому бремени „последних дней”.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ К. К о к ш е н е в а, *Больно жить. О прозе Олега Павлова*, [в:] *Революция низких смыслов*, Москва 2001, с. 162.

¹⁵ „Хабаров – человек, потому что простой. А где сложности – там зло. Все любимые герои Павлова сконструированы, как «простые»” (А. А г е е в, указ. соч.).

¹⁶ О. Павлова волочит, тащит за собой инерция великой, но мертвой традиции. Народническая традиция Глеба и Николая Успенских, последним вершинным достижением которой был Андрей Платонов, а эпигонами, правда, очень талантливыми эпигонами, – деревенщики, ныне мертва. Народнический пафос бухает в пустоту. Страдания и многотерпеливость русского народа нынче как-то не убеждают” (Н. Е л и с е е в, указ. соч., с. 191).

